

Подо льдами Антарктиды мои подводники обнаружили настоящий земной рай! Германский подводный флот гордится тем, что на другом конце света создал для Фюрера неприступную крепость.

Карл Дёниц
Командующий подводным флотом 1935–1943,

Главнокомандующий военно-морским флотом Германии 1943–1945

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Германия. Суббота 18 марта 1939 года.
Далем (юго-западные окрестности Берлина),
Пюклерштрассе, 16.
Особняк «Аненербе»¹

10 часов утра

Карта была очень старой. От пожухлого пергамента, на которой она была нарисована, веяло такой глубокой древностью, что любой эксперт мог бы смело отнести пергамент к эпохе наскальных рисунков. Но как бы этот самый эксперт объяснил то, что на этой самой древней карте оказались вдруг изображенными и западное побережье Африки, и восточное побережье Южной Америки, и Антарктида? Ведь доподлинно известно, что все эти континенты были открыты лишь несколько столетий назад, тогда как от вышеупомянутой эпохи человечество отделяют многие тысячи лет.

Мощным и раскатистым звоном каминные часы известили о том, что минула очередная четверть

¹ «Аненербе» (Ahnenerbe) — «Наследие предков» (нем.). Создано 10 июля 1935 года по инициативе рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, Рихарда Дарре и доктора Германа Вирта. В структуре «Аненербе» работало более пятидесяти институтов в самых различных направлениях. (*Здесь и далее прим. авт.*)

часа. Гитлер чувствовал, как у него за спиной в нетерпеливом ожидании переминаются с ноги на ногу участники совещания, но та навязчивая мысль, что жужжала где-то в подсознании, упорно не хотела воплощаться в конкретное содержание, а мозг категорически отказывался усваивать увиденное. Ибо в подобное действительно невозможно поверить — изрядно выцветшие, но отчетливо проступающие на древнем пергаменте краски до мельчайших деталей передавали рельеф и береговые линии островов и континентов, ниспровергая тем самым дарвинские сказки о сотворении мира.

Это неразрешимое противоречие поглотило Гитлера целиком. Своим воистину звериным чутьем, выработанным за долгие годы борьбы, он чувствовал, что карта на пергаменте заключала особую тайну, которая сама всплыла из глубины веков и легла на его стол вполне осязаемой вещью. И случилось это как раз тогда, когда он, Адольф Гитлер, без единого выстрела, но одной лишь своей волей! — добился ликвидации Чехословакии. В то время как большинство рейхсверовских генералов уверяли его в том, что Германии при попытке захвата Чехословакии грозило неизбежное поражение.

В его памяти всплыла картинка вчерашнего дня, когда начальник штаба Верховного главнокомандования генерал-полковник Кейтель пришел к нему с докладом:

— Мой фюрер, в результате блистательно завершившейся операции по взятию Чехословакии

нам достались тысяча пятьсот восемьдесят два самолета, пятьсот одно зенитное орудие, две тысячи сто семьдесят пять пушек, семьсот восемьдесят пять минометов, сорок три тысячи восемьсот семьдесят шесть пулеметов, четыреста шестьдесят девять танков, свыше одного миллиона винтовок, сто четырнадцать тысяч пистолетов, один миллиард патронов, три миллиона снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточного для вооружения сорока немецких дивизий!

Голос Кейтеля осип от возбуждения, глаза его горели, но Гитлер раздраженно отмахнулся от его патетики:

— Сорок дивизий?.. Много это или мало, Кейтель, если иметь в виду, что мне их нужно более двухсот?! Полнокровных и отменно вооруженных!

— Но... мой фюрер, людских ресурсов для реализации этого плана явно недостаточно.

— Оставьте, Кейтель! Если следовать наставлениям фон Фрича и Бломберга¹, то их будет недо-

¹ Вёрнер Фрайхерр фон Фрич (барон, *нем.* Werner Freiherr von Fritsch), (4 августа 1880 — 22 сентября 1939) — генерал-полковник вермахта, до 1938 года — главнокомандующий сухопутными войсками.

Вернер Эдуард Фриц фон Бломберг (*нем.* Werner Eduard Fritz von Blomberg 2 сентября 1878 — 14 марта 1946) — генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933–1938 годах министр имперской обороны.

5 ноября 1937 года фон Бломберг и фон Фрич открыто выступили против планов Гитлера, направленных на милитаризацию Германии, и позже были смещены со своих постов.

статочно даже с учетом мобилизации ресурсов ряда стран континентальной Европы! — Гитлер заходил по кабинету, отчаянно жестикулируя. — Какие же вы недоумки! Вам и в голову не приходит, что ваша эра позиционных войн с длительным противостоянием армий подошла к концу!

Он круто развернулся, и воспаленный взор фюрера пронзил Кейтеля.

— Я, Адольф Гитлер, поставлю весь мир на колени, не растрачиваясь на «обмен любезностями» в открытых сражениях! Молниеносные войны, — вот мой рецепт построения тысячелетнего рейха! Отныне — я его главный стратег!

Довольно отметив побледневшее лицо Кейтеля, он возвысил голос:

— Массированными бомбардировками авиации и дальнобойной артиллерии я сотру с лица Земли любые укрепления, целые города! Мои бронированные кулаки, как нож сквозь масло, будут проходить любую оборону, а это значит, что длительность войн отныне будет определяться протяженностью шоссежных дорог противника и запасом дневного хода моих танков! Для тех же, кто рассчитывает на мнимую неприступность, укрывшись за проливами и океанами, мои ученые готовят ошеломительные сюрпризы...

...Тот вчерашний разговор с Кейтелем лишний раз подчеркивал необходимость поиска нестандартных решений, и вот теперь — эта карта. Древняя посланница...

Шумно выдохнув, он еще раз окинул взглядом пожухлый пергамент:

«Да! В этой карте должна быть сокрыта та тайна, которая предопределит ход событий на много лет вперед. Уж если Провидению было угодно сделать меня, безвестного венского художника, фюрером всей германской нации, то кому, как не тому же Провидению, наделить своего избранника всеиспеляющей мощью?!»

При этой мысли кровь вдруг забурлила в жилах. Она вселила в тело такую стремительную легкость, что он сразу ощутил в себе полную причастность к происходящим по воле Провидения событиям.

Гитлер отстранился от стола и с вожделием потер руки:

— И все же, профессор, каков действительный возраст этой карты?

Голос Гитлера нарушил гнетущую тишину в кабинете совершенно неожиданно, но профессор Кнолль проявил завидную выдержку:

— Видите ли, англичане, завладевшие в тысяча девятьсот двадцать девятом году одним из фрагментов этой карты, приписывают авторство турецкому адмиралу Пири Рейсу¹. Они предполагают,

¹ Пири Рейс (Хаджи Мухиддин Пири ибн Хаджи Мехмед) (1465–1554) — известный адмирал Османской империи, картограф. Автор книги «Китаби Бахрийе», в которой подробно описывает лоции Средиземного и Эгейского морей. Составленная им в 1513 году карта мира содержит в себе не открытые еще тогда континенты и не присущие тому времени навигационные обозначения.

что Пири Рейс составил ее в тысяча пятьсот тринадцатом году. У них, конечно, есть на это основания, но мы...

— Вот как? Значит, у этой карты не такое далекое прошлое?

— Отнюдь! Факт древнего происхождения этой карты доказан и сам по себе никаких сомнений не вызывает. Даже по первичным оценкам Отдела по изучению писем и символов этому пергаменту далеко не одна тысяча лет и...

— Уж не хотите ли вы сказать, профессор, что англичане так безнадежно тупы?

— Мой фюрер, правоту англичан невозможно допустить даже гипотетически. И не только потому, что изображенная на карте Антарктида была открыта лишь в тысяча восемьсот восемнадцатом году. Вы присмотритесь внимательнее. Вам не кажется, что континент на карте адмирала лишен м-м-м... главного своего компонента?

Мощная лупа в руке Гитлера поплыла над континентом, но тут же дрогнула и застыла. Хотя и безо всякого увеличительного прибора было видно, что и берег и континент на карте были свободны ото льда.

Гитлер посетил «Аненербе» впервые спустя три года после открытия. На этом визите настоял Генрих Гиммлер. Здесь, в одном из самых засекреченных объектов рейха, трудились лучшие умы в не признанных традиционной наукой областях, и Гиммлер с неукротимой энергией уверял

его в том, что их последние достижения как нельзя лучше вписываются в концепцию фюрера по завоеванию господства во всем мире. А весна 1939 года выдалась для Адольфа Гитлера чрезвычайно напряженной. К этому времени он уже подписал план «Вайс» о проведении военной операции против Польши, и ему катастрофически не хватало времени, чтобы локализовать предстоящий конфликт с Польшей в дипломатических маневрах великих держав.

Но рейхсфюрер был очень настойчив. И вот теперь, заслушав краткий доклад профессора, фюрер и рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, рейхсфюрер СС Гиммлер, исполнительный директор «Аненербе» штандартенфюрер¹ Зиверс и профессор Кнолль сгрудились у громадного колченогого стола, на котором распласталась всплывшая из глубины веков посланница, и гробовая тишина воцарилась в кабинете.

Профессор торжествовал. Ох уж эти политики! Ведь одно дело — из года в год с маниакальной настойчивостью кроить и перекраивать политическую карту мира. Зато совсем другое дело — география, где еще царствуют незыблемые понятия. Да сейчас любой школяр не задумываясь вам скажет, что километровые толщи льда покрывают Антарктиду уже многие тысячи лет!

¹ Штандартенфюрер (нем. Standartenführer) — чин (звание) в СС и СА, соответствовал чину полковника.

Дождавшись, когда фюрер рассмотрит карту, профессор продолжил:

— Поначалу и мы все крайне недоумевали — Антарктида — и безо льда? Но потом обратили внимание на кое-какие детали и показали карту господам из люфтваффе¹. Мы полагали, что летные картографы разрешат наши сомнения...

— И что же? Каков был ответ?

— Их ответ просто изумил нас! Нет, мы, конечно же, догадывались кой о чем, но ведомство господина рейхсмаршала Геринга дало однозначное заключение. Вот оно...

Эти несколько машинописных строк Гитлер читал и вновь перечитывал так, будто то был Акт о капитуляции Англии, собственноручно подписанный ее премьер-министром.

Наконец лист бумаги скользнул на стол.

— Но ведь это...

— Да, мой фюрер! Я лично связывался со специалистами из люфтваффе: мнение их неизменно — данная карта есть не что иное, как изображение Антарктиды, сделанное с большой высоты, примерно около сорока тысяч метров.

— Выходит, что снимки для этой карты делались... из космоса?

— Видите ли, сам по себе этот факт у нас не вызывает никакого сомнения... — Профессор изо

¹ Люфтваффе (*Luftwaffe* — нем.) — военно-воздушные силы гитлеровской Германии в период с 1933 по 1945 год.

всех сил старался выглядеть спокойным. — Исследовав все это, мы пришли к поразительному открытию! Мы утверждаем, что в отраженное на карте время положение полюсов не соответствовало нынешнему, а находилось в смещении на пятнадцать-двадцать градусов.

— Не говорите загадками, профессор!

— Из всего этого, мой фюрер, вытекает то, что в начале шестнадцатого века адмирал Пири Рейс либо держал в руках раритеты, дошедшие до него от предыдущей земной цивилизации, либо информацию от пришельцев с неведомой планеты. Ибо нашей, теперешней цивилизации в запечатленное на карте время еще не было.

Тишина в кабинете стала абсолютной. Потрясенные услышанным, все вглядывались на пергаменте в береговые линии Антарктиды, будто ожидая, что на карте континента вот-вот проявятся лица тех, кто изобразил его, пролетая над Землей тысячи лет назад.

Бесшумные вентиляторы исправно нагнетали в помещение кубометры насыщенного хвоей свежего воздуха, но все присутствующие явственно осязали небывалую наэлектризованность атмосферы. Они готовы были поклясться, что исходила она от этого потемневшего от времени пергамента.

— Мой фюрер, нам удалось раскопать еще кое-что...

Гитлер был так поглощен этой невероятной загадкой Антарктиды, что пришел в себя, когда ус-

лышал за спиной голос исполнительного директора института.

Штандартенфюрер Зиверс выложил перед Гитлером несколько фотографий:

— Прошу вас, взгляните на эти снимки! Внешне они очень похожи, не так ли?

— На мой взгляд, они совершенно одинаковые. Мне даже кажется, что на них снят один из районов Антарктиды... — Указательный палец фюрера с аккуратно подпиленным ногтем проплыл над картой и словно дротик уткнулся в скалистый берег континента. — Вот этот район. Та же гора пирамидальной формы...

Физиономия Зиверса просияла. Гитлер выпрямился:

— Судя по всему, вы нашли в этом районе нечто очень ценное?

— Нашли, мой фюрер! Но здесь есть одна неувязочка...

Сохраняя невозмутимость, Зиверс с ловкостью картежного шулера перетасовал фотоснимки, развернул их веером и выдернул один:

— Это действительно увеличенный снимок с карты, что лежит перед вами.

Гитлер качнул головой, сотворив ироничную гримасу.

Штандартенфюрер не остался в долгу. Дернув уголком рта, он метнул на стол следующее фото:

— Но вот этот был сделан полгода назад нашим молодым ученым Шеффером¹. Снимок был сделан... в горах Тибета.

Гитлер поднял голову и недоверчиво взглянул на Зиверса. Тот, оставаясь по-прежнему невозмутимым, подал последнюю фотографию:

— А вот это было доставлено в мою лабораторию две недели назад. Снимок сделан после проявки фотопленки с самолета-разведчика. Выполняя наше задание, он летал с территории Финляндии в глубь Кольского полуострова. На снимке — одна из вершин в Ловозерских горах, что на территории русских.

— Что-о-о-о?!

В то, что говорил Зиверс, невозможно было поверить, потому что на всех трех фотографиях были видны очертания практически одной и той же горы пирамидальной формы.

— Докладывайте, штандартенфюрер!

¹ Эрнст Шеффер (E.Scheffer) (1910–1992) — ученый-зоолог, возглавлял в «Аненербе» «Тибетский отдел». Был в Тибете со смешанными экспедициями и в 1931 и 1935 годах. Его экспедиция 1938–1939 годов проходила под эгидой «Аненербе». Экспедиция установила на горе Канченджанга (8586 метров) радиоретранслятор, посредством которого у Ставки Гитлера по 1942 год работал «радиомост» с Лхасой. Экспедиция наработала важнейший материал, установив тесные отношения с тибетскими монахами, считавшими, что Гитлеру действительно по плечу создание сверхчеловека. В 1945 году при штурме рейхсканцелярии в Берлине советскими войсками будут обнаружены мертвые тибетцы в форме СС.

— Я позволю себе начать с нашей тибетской экспедиции Эрнста Шеффера, завершившейся в сентябре прошлого года. Мы вспомнили о ней, когда нам в руки попал этот древний пергамент. Потому что на карте Антарктиды мы обнаружили точно такую же гору, что и Шеффер на Тибете.

— Погодите-погодите, Зиверс! Я помню информацию о находке Шеффера на Тибете. Вы говорите о том самом объекте?!

— Совершенно верно! Это та самая гора неподалеку от Лхасы, где...

— Очень неожиданное совпадение.

— Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, что это далеко не совпадение.

— Продолжайте!

— Из различных источников нам было известно о некоем подземном хранилище, в котором хранятся знания древних, записанные на каменных скрижалях. «Кто будет обладать ими, тот будет управлять миром» — так говорят о них. Десятки исследователей на протяжении почти сотни лет исписали на эту тему гору трактатов. И где только не искали это хранилище: от Монголии и до Ла-Манша. А все оказалось...

— Так вы нашли это хранилище?!

— Похоже на то, мой фюрер! Нам удалось расшифровать один из привезенных Шеффером тибетских манускриптов. В нем говорится о подземном святилище Агартхи, находящемся где-то на русском Севере. Мы тут же сопоставили имеющи-

еся у нас материалы и обратили внимание на отчет русского академика Барченко об экспедиции на Кольский полуостров в 1922 году.

Зиверс замолчал.

В застывшем взоре фюрера было нечто колдовское. Лицо его вытянулось, а во внезапно расширившихся карих глазах, казалось, мистическими сполохами буйствовал желтый огонь. Мгновение спустя Гитлер перевоплотился в обычного человека.

— Что же вы умолкли, штандартенфюрер?

— Кхм... По свидетельствам участников экспедиции, в Лапландии они обнаружили древний лаз в подземелье, но проникнуть туда им не удалось.

— Что же им помешало?

— Нечто необъяснимое, мой фюрер! Всякий, кто пытался это сделать, испытывал такой невероятный ужас, что...

— Но ведь и Шеффер докладывал...

— Так точно! Вот мы и подумали: не слишком ли много общих закономерностей в этих похожих открытиях? И в Лапландии, и в найденной Шеффером горе на Тибете? Тогда-то и родилась идея послать в тыл к русским самолет, оборудованный фотокамерами. Мы, конечно же, думали всякое, но предположить, что в русской Лапландии обнаружится гора, как две капли воды похожая...

— Где находится эта гора, Зиверс?

— У Сейдозера, в Ловозерских горах, мой фюрер!

Гитлер повернулся через плечо к огромной, во всю стену карте Евразийского континента. Его цепкий взгляд сразу выхватил то место в центре Кольского полуострова. Там, где Ловозеро длинным червем ползло на север, к самому его подбрюшью голубой каплей стекало Сейдозеро.

Гитлер ткнул указкой:

— Здесь?

— Так точно! Теперь у нас нет сомнений — там вход в хранилище.

Гитлер заговорил снова после долгой паузы:

— Зиверс, а вам самому не кажется странным, что у Сталина под носом лежит ключ к мировому господству, а он им не пользуется?

— Я понимаю ваш скепсис, мой фюрер, но непосвященным туда ни за что не войти. В манускрипте говорится, что подземные силы никого туда не пропустят, а упорство приведет лишь к расстройству психики и потере человеческого облика.

— Но как вы планируете подобрать ключи к Агартхи, если доступ туда невозможен?

— Мы ведь не зря побывали на Тибете, мой фюрер! Наши друзья помогут нам, тибетские монахи умеют преодолевать такие запреты.

Пауза вновь была долгой.

— А эта гора в Антарктиде? Как же она увязывается со всем тем, что вы мне изложили?

— Самым непосредственным образом.

Выудив из вороха разнокалиберных схем и карт нужный ему лист, Зиверс разложил контурную карту планеты. Несколько жирных линий на ней вытекали изо всех континентов и, пройдя по меридианам, сходились в районе Южного полюса.

— Эти линии есть не что иное, как пустые полости в земной коре. Известные в прошлом исследователи Оссендовский и Сент-Ив д'Альвейдр утверждали, что пустоты эти связаны с центрами духовного и материального могущества, основанными доисторическими цивилизациями. Но если они и предположить не могли, откуда можно подобраться к этим пустотам, то мы теперь можем смело утверждать, что вход в пустоты здесь, в районе Земли Королевы Мод.

Гиммлер не удержался от восклицания:

— Подумать только — какие перспективы сулят нам теплые пустоты под Антарктидой! Если оснастить эти подземелья по последнему слову техники, то в них можно перенести наш рейх и оттуда вершить судьбы всех народов! Это будет абсолютно недоступная для врагов территория. Наш Новый Швабеланд!

Гитлер протестующе вскинул руки:

— Я не берусь говорить сейчас о практической ценности этого факта, Генрих! Лед! — вот что меня интересует. Над той горой сейчас километровые слои вечного льда. Как вы планируете преодолеть их, чтобы добраться до этих подземных пещер?! Как отыскать их под сплошным панцирем?

— Мы надеемся, что наша антарктическая экспедиция...

— Ритшер?¹

— Верно, мой фюрер! Через месяц мы ожидаем его возвращения из Антарктиды. Он великолепно справился с поставленной задачей. Мы за столбили за рейхом значительную часть континента, но главное здесь то, что с помощью гидроплана Ритшеру удалось там обнаружить пресное озеро. А пресное озеро среди антарктических льдов свидетельствует о наличии в том месте аномально теплой зоны. Так что же это, если не искомые нами пустоты?

— Погодите, Генрих... Но лед? Как вы собираетесь преодолеть километровые толщи материкового льда, чтобы добраться до этих пустот?

Зиверс словно ждал этого вопроса:

— У наших подводников есть мнение, что вход можно обнаружить, поднырнув под лед со стороны океана. Но мы все уверены — ключ к пустотам Антарктиды находится в Лапландии, мой фюрер! Там, в Агартхи, мы рассчитываем найти доступ к таким совершенным технологиям, что даже многокилометровый лед Антарктиды станет для нас вполне преодолимым препятствием. Имею честь

¹ Альфред Ритшер (Alfred Ritscher), (23 мая 1879 — 30 марта 1963) — капитан германских ВМФ, возглавлял антарктическую экспедицию на судне «Schwabenland» (17.12.1938—12.04.1939). Новая территория рейха была названа Neuschwabenland («Новая Швабия», ныне — Земля Королевы Мод).

доложить вам, что наш агент уже проводит основательную рекогносцировку в том районе русских. Так что когда ведомый вашей волей вермахт шагнет на восток, то мы поднесем вам ключ от древнего хранилища.

В глубокой задумчивости Гитлер стал курсировать из угла в угол. Он очень нуждался в помощи сторонних сил. Ведь если и прошлогодний бескровный аншлюс Австрии и Судет¹, и нынешнее образование протектората Богемия и Моравия на месте бывшей Чехии² произошли молниеносно и при полном попустительстве Англии и Франции, то теперь следовало бы заполучить более весомые козыри, чтобы так называемые мировые лидеры и впредь были более сговорчивыми.

Ну а какой козырь лучше явной силы? Со времен Аттилы еще никому не удавалось опровергнуть ее значение как главного аргумента в дипломатии! К тому же в последнее время его сильно донимала некая двойственность при выборе приоритетов. С одной стороны, необходимо было как можно скорее устранить с карты политического

¹ О воссоединении с Австрией Гитлер объявил 12 марта 1938 года, когда немецкая армия вошла в Австрию. А 10 октября 1938 года, согласно Мюнхенскому соглашению, к Германии была присоединена Судетская область, расположенная в западной части Чехословакии, где преимущественно жили этнические немцы.

² Богемия и Моравия были объявлены протекторатом Германии 15 марта 1939 года.

влияния Англию, а с другой стороны, разделаться с Россией, пока та не окрепла. Но сейчас, перед лицом таких фактов...

По участвовавшим шагам фюрера и Гиммлер, и Зиверс поняли, что он принял судьбоносное решение. И они не ошиблись.

Гитлер остановился и круто развернулся к Зиверсу. Его глаза вновь были полны того самого желтого мистического огня.

— Зиверс, я даю вам карт-бланш! Все, что необходимо для предстоящих мероприятий, вы получите немедленно. Генрих, проследите за этим лично!

ГЛАВА 2

Ленинград — Хибинны — Петрозаводск.

28 августа — 5 сентября 1940 года

Из оперативных документов Главного управления госбезопасности НКВД СССР:

Шифрограмма за № ... от 28.08.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

... докладываю, что сегодня в 9 часов утра на Кольском полуострове в районе Ловозера был зафиксирован выход в эфир неопознанного коротковолнового радиопередатчика... Перехваченный текст передан в дешифровальный отдел IV управления.

*Начальник Особого отдела НКВД
Ленинградского военного округа Сиднев».*

ЗАГАДКА УГРЮМОЙ ЗЕМЛИ

Шифрограмма за № ... от 30.08.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

... по факту сеанса радиосвязи из района Ловозера дополнительно докладываю:

Сегодня в Ленинград прибыл из Берлина советник германского торгпредства Вильгельм Шорнборн. Официально целью его поездки заявлена командировка в город Кировск на горно-химический комбинат, откуда осуществляются поставки в Германию апатитового сырья. Но мне представляется, что прибытие господина Шорнборна и заявленная им поездка на Хибины связаны именно с зафиксированным сеансом радиосвязи, так как нам доподлинно известно, что Вильгельм Шорнборн на деле является сотрудником германского абвера...

Для контрразведывательных мероприятий на место мною отправлена оперативная группа капитана Архипова...

...Сиднев».

— А-а-а!!!

Кричали где-то рядом.

Этот пронзительный крик мог свести с ума, но выстрел оборвал его. Он прозвучал сухо, как щелчок треснувшего под ногой ореха, а следом длинной очередью сухо закашлял автомат. За грохотом падающей и разбивающейся посуды истошно завопила девица, но ухнул оглушительный взрыв — и все разом стихло.

Сияясь проснуться, Архипов тяжело мотнул головой. Но отзвуки взрыва еще резонировали в пространстве.

Архипов сунул руку под подушку. Ребристая ручка нагана привычно легла в ладонь. Он открыл глаза. В купе было темно. Поезд замедлял ход. За окном в тусклом свете фонарей медленно проплывали какие-то тени. Наконец вагон еще раз дернуло, и поезд остановился. Архипов приподнял голову. Володя Болотников сидел внизу у окна. Приподняв краешек занавески, он явно за чем-то наблюдал, блаженно оскалившись белоснежными зубами.

Едва Архипов пришел в себя, как за окном надрывно застрекотал автомобильный стартер, что-то вновь с оглушительным грохотом бухнуло, и кто-то завопил истошным голосом:

— Назад!!! Степка! Сейчас же сдавай назад, раззьява!!! Ты мне всю посуду подавишь!

Архипов отдернул шторку. Поезд стоял на ночном полустанке. Вдоль освещенного желтыми фонарями перрона тянулся длинный пакгауз, а у его распахнутых ворот уткнулась радиатором в штабель ящиков и молочных бидонов старенькая полуторка. Грохнувшиеся с высоты бидоны еще скакали по перрону, а по луже растекающегося молока сновали несколько женщин, собирающие продавленные ящики и битое стекло.

Белобрысый паренек тщетно пытался оживить мотор автомашины. Он все давил и давил на стар-

тер, но полуторка только тряслась и громко чихала. Наконец мотор выдал еще одну трескотливую очередь, машина окуталась сизым удушливым дымом и завелась.

Женщины разом загалдели, накинувшись на незадачливого паренька:

— Степка, мать твою! Немедленно убирай свой тарантас от пакгауза!

Под их нескончаемый гвалт полуторка, отчаянно чадя, прокатила вдоль вагона.

Архипов откинулся на подушку. «Вот померещится же...»

Грудь его работала словно кузнечные меха, как после утомительного забега в День Красной армии, когда он первым пересек финишный створ. Гася возбуждение, он несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул.

Учуяв пробуждение начальства, лейтенант Болотников переместился к двери и занял свой пост, отворив дверь на едва заметную щелочку. Тем временем раздался паровозный гудок, состав громыхнул сцепками, и поезд тронулся.

Архипов блаженно растянулся на верхней полке — впервые за последние несколько суток ему удалось выспаться. Лелея мечту о предстоящем завтраке со стаканом горячего крепкого чая и кусковым сахаром вприкуску, он подставил лицо потоку прохладного воздуха.

Ветерок через приоткрытое окно лениво трепыхал шторку. Что может быть прекраснее, ког-

да вот так лежишь у окна поезда, уносящего тебя вдаль, и вдыхаешь ночной настой, состоящий из свежего запаха дальнего леса, туманной сырости, поднимавшейся из окрестного болотца и вкусного угарно-терпкого паровозного дымка. Ощувив единение с летящим в ночи поездом, ты взахлеб вдыхаешь этот ночной коктейль, а валко покачивающийся вагон под дробный аккомпанемент стремительно уносит тебя в ночь. А ты лежишь и думаешь только о чем-то хорошем. И незачем ломать голову над причинами и следствиями, ибо все сомнения от незнания. Как говаривали бывалые люди — истинные озарения приходят со свистом пуль! А здесь не стреляли...

Архипов смачно зевнул. Но следующая мысль прервала этот сладостный процесс, едва не заклинив ему челюсти. Не раздумывая ни секунды, он соскочил вниз.

— Доброй ночи, товарищ капитан! Выспались?

Лейтенант Болотников лучился приветливой улыбкой, но, увидев выражение лица командира, в мгновение переменялся.

— Тсс, тихо, Володя, тихо... Ты давеча ничего не слышал?

Лейтенант также ответил шепотом:

— Н-нет! Полуторка только эта и бабы... а так — вроде все тихо! А что, товарищ капитан?

— Возможно, мне показалось, но мы с тобой это сейчас проверим.

Они ехали в мягком вагоне. Учитывая, что за последние несколько суток толком выспаться им так и не довелось, они решили использовать ситуацию с максимальной пользой для себя — один дежурит у двери, другой, в свою очередь, спит. И эти два часа, отведенных для сна Архипову, судя по часам, давно уж истекли. Но капитан не стал отчитывать Болотникова за мальчишеское благородство, быстро обулся и opravил гимнастерку.

Поезд уже набрал скорость. С дробным стуком колеса проносились по стыкам, и вагон здорово покачивало. В коридоре было темно. Лишь скудный свет от фонарей пронесившихся полустанков и дачных платформ иногда освещал его, но Архипову и без этого было видно, что в коридоре никого нет.

Он на цыпочках подкрался к соседнему купе. Прильнув ухом к двери, долго вслушивался. Затем, удерживаясь за поручни, направился к проводнику.

— Не спится? Может, вас чайком попотчевать, товарищ капитан?

Сонный проводник, сухопарый пожилой мужчина с рыжими обвисшими усами, смахнул с газеты хлебные крошки, свернул ее и потянулся к шкафчику, но Архипов остановил его:

— Вот что, э-э... Матвей Поликарпыч! Вы лучше скажите: Петрозаводск-то скоро?

— Да вроде примерно через часок.

— Вот и чудесно! Вы пройдите, пожалуйста, сейчас к четвертому купе и, как полагается, объявите об этом пассажирам. Там ведь двое едут?

Архипов вернулся к своему купе. Лейтенант ждал его с «ТТ» наготове. Архипов кивнул ему на стенку смежного купе и махнул проводнику. Тот водрузил на голову форменную фуражку и прошел по коридору. У четвертого купе он остановился и постучал ключом в дверь:

— Петрозаводск, товарищи! Скоро подъезжаем, прошу приготовиться...

На голос проводника никто не отозвался. Проводник постучал еще раз. Не получив ответа, растерянно оглянулся.

Архипов отстранил проводника и рванул на себя дверь. Ветер из распахнутого настежь окна отчаянно полоскал оконную шторку и метал по купе перья из простреленной подушки. Подушка эта валялась на полу, а на полке лежало неподвижное тело с бурым пятном на груди.

Никого более в купе не было...

...Они прибыли в Кировск в одном поезде с советником германского торгпредства Вильгельмом Шорнборном. Вернее, они сошли вслед за ним на станции Апатиты, проследили, как советник сел в автобус до Кировска, а уж потом поехали следом на машине местного райотдела НКВД.

Было это еще пять дней назад. Оперативная группа капитана Архипова, в которую входили лейтенанты Севергин и Болотников, должна бы-

ла в предельно сжатые сроки проделать колоссальную работу, чтобы определить: за какой надобностью «советник», а на самом деле — резидент абвера Вильгельм Шорнборн прибыл в такую глухомань, как этот район Кольского полуострова?

Накануне у Архипова был обстоятельный разговор с начальством. А любое начальство, как известно, очень любит задавать вопросы, нимало не заботясь о том, как ты найдешь на них ответы. Справедливости ради, Архипов разделял озабоченность начальства: то, что сообщник у Шорнборна в этом районе был, сомнению не подлежало — ведь кто-то же выходил в эфир. Но вот что в этой глуши влечет немцев? Что они затевают? Диверсию на горно-химическом комбинате? Но тогда еще вопрос: какого ляда их рация выходила в эфир так далеко от города? Зачем они пошли на риск, связанный с транспортировкой и использованием рации в столь безлюдном месте?

Вопросов много, но лишь одно было ясно — в этом районе действительно есть нечто, так заинтересовавшее абвер. Словом, задание было не из простых, и при этом не было ни единой зацепки. Так что, когда по приезду в город Шорнборн направился в управление комбината, Архипов уединился в гостиничном номере со старшим оперуполномоченным местного райотдела НКВД Рыдлевым:

— Как говорил старый Мойша на моей Могилевщине — давайте будем посмотреть.

Рыдлевич разложил на столе карту.

— Вот этот район, откуда они выходили в эфир... — Палец оперуполномоченного уперся в район горы, обрывающейся крутым северным склоном к Сейдозеру. — Вот здесь разворачивается строительство Карнасуртского рудника. Здесь, в двадцати километрах от него саамское село Ловозеро... — Он очертил полукруг вдоль северной подошвы гор Ловозерской тундры. — Кроме оленеводческих становищ и рыболовецких артелей по берегам Ловозера, в этой зоне нет ничего особого. А не может ли это быть самой заурядной маскировкой? Протопал резидент с рацией сто верст по тундре, а ты гадай потом: в чем их бубновый интерес?

— Ничего себе, маскировка — шастать по всему району с рацией на плечах! Нет, товарищ Рыдлевич, нужда их заставила выйти в эфир! По всему видно — крепко они за что-то здесь ухватились. Но вы правы, мы должны отталкиваться не от объекта, а внимательно поглядеть на тех, кто по роду своей работы может свободно бродить по этому необжитому району, не вызывая подозрений. Я не могу представить оленевода в роли немецкого резидента, залихватски отстукивающего морзянку.

По расплывшемуся лицу Рыдлевича Архипов понял, что попал в яблочко.

— Такие лица есть. — Рыдлевич достал из планшета исписанный лист и положил его на стол. — Те, что в списке вычеркнуты красным каранда-

шом, — это люди из интендантской службы воинской части и из системы исправительных лагерей. Нет, они бывают всюду, так как занимаются заготовкой и для своей части, и для строителей рудника, но все эти люди, нами проверенные.

— Кто же в остатке?

— Начальник нашей метеостанции и геодезист Петрозаводского топографического отряда. Вполне допустимо, что им может быть еще и некто из Управления геологии.

— Геологи отпадают. Никому из геологов полевые задания в тот район не выдавались, и геологи в указанное время были на виду. Так что остаются эти двое.

— Не совсем — начальник метеостанции уже неделю как в отпуске. Он с семьей находится в Киеве, у родственников. Факт проверенный, сомнения не вызывает.

— Значит, только один — геодезист?

— Да, Чапыгин Вениамин Павлович.

— А вы не допускаете, что если Чапыгин был в Ловозерском районе в день выхода рации в эфир, то и сейчас он все еще может быть здесь?

— А я звонил в Ловозеро вчера вечером председателю тамошней артели, товарищ капитан.

Архипов с интересом посмотрел на Рыдлевича. Этот рассудительный крепыш нравился ему все больше.

— Я попросил его разузнать, не поднимая шума, бывал ли у них Чапыгин? С кем да о чем гово-

рил? Так что... — Рыдлевич осекся на полуслове, потому что в дверь постучали.

— Вас приглашают к телефону, пройдите к дежурному администратору!

Архипов с Рыдлевичем в мгновение ока домчали до комнаты дежурной.

Но звонили не из Петрозаводска. Лейтенант Болотников сообщал Архипову, что только что из управления горно-химического комбината в райондел НКВД отправлена телефонограмма с ходатайством о предоставлении разрешения на охоту для советника германского торгпредства Шорнборна и его провожатого.

Едва Архипов положил трубку, как прямо под окном у гостиницы остановилась машина, а минуто спустя в холл вошли двое. Один из них повоенному шагнул к Рыдлевичу. Он вполголоса о чем-то стал докладывать, в то время как его попутчик — старый лопарь¹ в национальных одеждах — с нескрываемым любопытством озирался. По его смуглому лицу уже побежали в разбег ручейки морщинок, и голова была седа, но спину старик держал прямо, да и в раскосых глазах читалась еще немалая жизненная сила.

Старик осмотрел Архипова с головы до ног и обратился к нему, по неведомо каким признакам определив старшего:

¹ Лопарь — так на Кольском полуострове называли ранее коренных жителей — саамов.

— Такое дело, начальник! Председатель велел идти к тебе и все рассказать, такое дело.

Старик Гаврилов оказался оленеводом из становища близ Ловозера. Из его рассказа следовало, что геодезист Чапыгин появился у них еще весной прошлого года. Некоторые из местных жителей видели этого геодезиста и раньше, когда еще только планировалось строить рудник неподалеку от их становища. Чапыгин был одним из тех, кто помечал их горы столбиками с выжженными на них цифрами. Потом его долго не было, а с нынешней весны он опять зачастил к Сейдозеру, расспрашивая стариков о человеке по фамилии Барченко, который еще в начале двадцатых был в этих краях с экспедицией из Петрограда.

— Как я не знаю Барченко? Очень хорошо его знаю, такое дело...

И старик поведал, как он водил Чапыгина по тем местам, по которым почти два десятка лет назад водил и академика Барченко с его научной экспедицией.

— Барченко большой человек был, важный! И стариков наших уважал, и с духами разговаривать умел. Поэтому, такое дело, мы ему все здесь показали.

— А Чапыгин что ж? Ему-то за что такая почесть?

Старик вынул трубку и принялся набивать табаком, уминая его большим пальцем:

— Чапыгин тоже большой человек! Кто из наших знает сопки лучше, чем я знаю все морщинки на лице моей старухи? А Чапыгин знает! Как было отказать ему? — Раскурив трубку, старик прищурился от дыма. — Только к залятой горе у Сейдозера Чапыгин сам ходил. Дорогу я ему показал, а сам пойти не захотел. Нельзя тревожить злой дух Куйвы¹. И на гору подниматься тоже нельзя, такое дело.

— Это почему же?

— Нинчурт твою жизнь себе забирай, такое дело. Может, сразу помрешь, а может, следующей зимой, кто знает? Там много люди пропадай, я так Чапыгину и сказал. Только он меня не слушай, а зря. Его смерть уже сюда приходи.

Рыдлевич оборвал старика:

— Ты, дед, нам этими шаманскими штучками голову не заморачивай! Скажи-ка лучше, где эта «заклятая гора» находится! Вот карта, давай вместе посмотрим.

Через несколько минут подробных расспросов и объяснений старик уверенно ткнул заскорузлым пальцем в точку на южном берегу Сейдозера.

Архипов присвистнул. Но Рыдлевич опередил его:

¹ Куйва — семидесятиметровое изображение человека на двухсотметровой отвесной скале у Сейдозера особо почитаемо у саамов, как и само озеро (по-саамски «Сейтявр»). Сейт — дух, вселившийся в камень.

— Скажи, отец, а когда Чапыгин был там в последний раз? Хотя бы примерно.

— Зачем примерно? Три дня назад он там был, такое дело.

Архипов с Рыдлевичем переглянулись:

— Три дня назад... то есть двадцать восьмого это было? Так?

— Выходит, что так, однако. Оленуха в тот день ногу подвернула, пришлось зарезать, зачем добру пропадай? Вот Чапыгин тогда и приходи, моя старуха его мясом угости.

Больше ничего важного из старика им вытянуть не удалось, и они отпустили его.

В конце концов, ответ на самый главный вопрос получен — «заклятая гора Нинчурт» и была той самой горой, из района которой выходила в эфир искомая радиостанция. И в этот день Чапыгин был на Нинчурте.

А вскоре пришла и телефонограмма из Петрозаводска:

«Геодезист топографического отряда номер девять Чапыгин В.П. 26 августа был откомандирован с производственным заданием в Ловозерский район, где и находится в настоящее время...»

Рыдлевич загорелся:

— Теперь ясно, на какую «охоту» собирается Шорнборн! Будем сопровождать его?

— Ни в коем случае! Тут ему деваться некуда, сам выйдет из тундры.

— Что ж, тоже верно, дождемся, возьмем по-тихому его провожатого и подробненько пораспрашиваем, а там и Чапыгин объявится, не век же ему по тундре бродить?

Но Архипов, слушая Рыдлевича, думал о своем: «Что искала, а вернее — что нашла здесь в двадцатых годах та загадочная экспедиция Барченко? Не ее ли след взяли немцы?»

...Шорнборн объявился в городе только через трое суток, уже ближе к ночи. К несказанному облегчению Архипова, вернулись они из тундры всей теплой компанией. Шорнборн выделялся своей знатной егерской экипировкой, а Чапыгина несложно было опознать по описанию — по пижонским усикам и старомодной бородке-эспаньолке. Вместе с ними был и Усов, разнорабочий того же топографического отряда, а ныне провожатый германского советника.

Коротко посоветовавшись у гостиницы, Шорнборн с Чапыгиным направились в гостиницу, а Усов поспешил к автобусной остановке, где уже стоял автобус к железнодорожной станции.

За время их отсутствия Архипов попытался было обнаружить хотя бы лучик света в окружавших его потемках, но дешифрованного текста радиogramмы от руководства он так и не получил, а на запрос по поводу экспедиции Барченко удалось раскопать заметку в газете «Красный пролетарий». В подшивке за 1922 год от 19 февраля обнаружилось упоминание о том, что: «...в Лапландии про-

фессор Барченко открыл остатки древнейших культур, относящихся к периоду, древнейшему, чем эпоха зарождения египетской цивилизации...» Далее в этой газете была обозначена некоторая дискуссия на эту тему, но в последующих выпусках и она сошла на нет ввиду иных проблем того смутного времени в истекающей кровью стране. Короткое известие, но над ним стоило хорошенько подумать. А пока Архипов со своей группой и Рыдлевичем наблюдали за «охотниками» через витрину продмага, стоявшего напротив гостиницы. Время было позднее, и магазин к тому времени был уже давно закрыт.

Глядя на то, как Усов забирается в автобус, Рыдлевич указал на часы:

— На станцию спешит! Через два часа поезд в Петрозаводск.

Архипов кивнул лейтенанту Болотникову:

— Володя, дуй за Усовым, приклейся к нему, но ни на шаг не отпускай! А мы за этими двумя присмотрим, чую я, что долго они засиживаться не будут. Встретимся на станции.

Болотников выскользнул через заднюю дверь магазина, слился со спешащими к автобусу пассажирами, и вскоре автобус отошел от площади. И вновь медленно потянулось время.

Геодезист вышел от Шорнборна, когда к остановке подошел последний автобус к станции Апатиты. Огладив пятерней пижонскую бородку, Чапыгин нахлобучил на голову капюшон, подхватил рюкзак и юркнул в автобус.

— Лейтенант, остаешься в гостинице присматривать за Шорнборном!

— Есть!

Лейтенант Севергин ушел в гостиницу, а Архипов с Рыдлевым поспешили к своей «эмке». Ехали долго, держась в некотором отдалении от автобуса.

У станции их встретил лейтенант Болотников:

— Усов купил в кассе два билета до Петрозаводска, и только что последним автобусом приехал Чапыгин. Вон они, голубки! Воркуют о чем-то у края платформы. Я взял билеты, как и они, — до Петрозаводска, в соседнее с ними купе.

...Эти события последних дней промелькнули перед глазами Архипова в тот момент, когда он увидел бездыханное тело Усова, лежащее на верхней полке.

Протившись на станции со старшим оперуполномоченным НКВД Рыдлевым, они сели в поезд, полагая, что до Петрозаводска уж точно ничего не произойдет, и решили отоспаться, сменяя друг друга. И вот перед ними тело убитого Усова, а геодезист Чапыгин бесследно исчез.

Оставшееся время до прибытия в Петрозаводск Архипов потратил на тщательный осмотр места происшествия, но так ничего интересного и не обнаружил. Единственное, что было ясно совершенно точно, — это то, что геодезист застрелил своего подельника через подушку, сиганул в окно — и был таков.

В Петрозаводске Архипов из кабинета начальника райотдела НКВД связался с руководством. Сиднев был в ярости:

— Их надо было брать сразу еще там, в Кировске! А теперь что? Оборваны единственные нити, ведущие к Шорнборну! Что прикажешь делать с ним теперь?

Дождавшись, когда высокое начальство стравит пар, Архипов еще раз настойчиво изложил ход событий:

— Товарищ комиссар государственной безопасности! Этот Усов был у них просто за провожатого. Он, по существу, и знать-то не мог что-либо сверх того, что нам и так известно.

— А нам-то что известно, капитан?

— А то, что абвер проявляет интерес вовсе не к промышленной зоне Хибин, а к тому, что было обнаружено здесь экспедицией академика Барченко в двадцать втором году! Нам необходимо срочно получить доступ к его отчетам. Именно с этим я связываю убийство Усова, и ни с чем иным. Посмотрите на личность убитого — оболтус, более полугода на месте нигде не задерживался, работал разнорабочим. Ну разве мог кто-либо доверить такому свои секреты? Однако ж его убили? Убили! Значит, все кроется только в том единственном, что он мог знать — маршрутах передвижения Шорнборна и геодезиста.

Молчание в трубке было долгим.

— Что вы намерены предпринять?

Когда Сиднев переходил на изысканные формы обращения, это было верным признаком потепления в отношениях. Архипов приободрился:

— Лейтенанта Болотникова я оставляю в Петрозаводске с засадой на квартире геодезиста. Сам звоню в Кировск, даю поручение блокировать подходы к Шорнборну и затем выезжаю к ним. Буду ориентироваться на месте.

— Вы думаете, что после произошедшего геодезист объявится в своей квартире?

— Не думаю. Но в любом случае геодезист будет искать встречи с Шорнборном, а тогда-то мы его и прихватим.

— Хорошо! Действуйте...

— Но, товарищ комиссар...

— Что еще?

— Нужен дешифрованный текст радиограммы и материалы экспедиции Барченко! В них ключ к операции абвера, и нам...

— Запрос отправлен мною на самый верх. Ждите, капитан! Все, отбой.

Обратно в Кировск Архипову удалось добраться лишь к полудню. Изложив вкратце все, что на тот момент было возможно, Архипов приготовился выслушать отчет Севергина. Но отчет был на удивление лаконичным:

— Советник сегодня из номера не выходит, видимо, отсыпается после охоты.

На лице лейтенанта Севергина проступила редкая щетина, да и глаза заметно отливали краснотой,

но он всем своим видом демонстрировал капитану неиссякаемую бодрость и готовность к действию.

— Что значит: «отсыпается»?

— Так еще со вчерашнего вечера советник дежурную предупредил: «Не тревожить, мол, буду отдыхать!»

На сердце капитана опять появилась нехорошая тяжесть:

— Анатолий Денисович, в номере Шорнборна ведь стоит телефон?

Рыдлевич с готовностью отозвался:

— Верно! Комбинатовцы накануне его сами устанавливали, как раз к приезду советника.

— Вы не могли бы организовать звонок в его номер? Скажем — от секретаря директора?

Рыдлевич сразу уловил, что за тревога стоит за просьбой Архипова. Он нахмурился и стремительно вышел из номера.

Вернулся спустя несколько минут:

— На звонок никто не отвечает.

— Та-а-а-ак... Лейтенант, блокируйте выход из гостиницы.

— Есть! — Севергин выскочил из номера.

— Анатолий Денисович, идите к дежурной и принесите запасной ключ от номера советника. Жду вас у его номера.

Два пролета лестницы, ведущей на второй этаж, Архипов преодолел одним махом. Рыдлевич тоже не заставил себя ждать. К номеру Шорнборна они подошли не таясь. Архипов постучал:

— Вам срочная телеграмма!

Ответа не последовало. Его не последовало и после того, как Архипов постучал в дверь еще раз.

Рыдлевич потянул его за рукав:

— Но как он ушел? Как?! Не мог он уйти, не мог...

Оставив его вопрос без ответа, Архипов провернул ключ. В небольшой гостиной с громоздким кожаным диваном у стены никого не было. Дверь в спальню была приоткрыта. Архипов остановил Рыдлевича и ногой толкнул дверь.

Он сидел у книжного шкафа. Выражение лица его было таковым, как будто он проснулся и увидел себя лежащим на рельсах перед неотвратимо надвигающимся железнодорожным составом. Но это было вызвано вовсе не тем, что он увидел вошедшего Архипова. Зрачки его сведенных в одну точку глаз застыли на некоем длинном предмете, торчащем у него из груди. Очевидно, что объятное животным страхом тело дернулось в последний миг своей жизни, но, пронзенное трехгранным штыком, так и застыло, оказавшись пришпиленным к громоздкому книжному шкафу.

Наступила удивительная тишина, и только издали до Архипова доносились какие-то оглушительные звуки, будто кто-то со всей мочи барабанил веслом по опрокинутой лодке. До него не сразу, но дошло, что он слышал стук своего собственного сердца. И не от того, что он слыл впечатлительной особой, нет. На своем веку ему при-

ходилось видеть нечто и более впечатляющее. Но вот только увидев тело, ему вспомнилась недавняя встреча со старым саамом Гавриловым и его слова.

Рыдлевич вошел в спальню и замер на полушаге:

— Так это же...

Вероятно, сейчас он слушал тот же концерт неистового барабанщика, который минуту назад слышал и Архипов. Во всяком случае, дар речи вернулся к нему не сразу:

— Как же так?

Глядя на изумленное лицо Рыдлевича, Архипов вновь, как наяву, услышал те пророческие слова старика Гаврилова:

— «Нинчурт твою жизнь себе забирает, такое дело. Может, сразу помрешь, а может, следующей зимой. Там много люди пропало, я так Чапыгину и сказал. Только он меня не слушай, а зря. Его смерть уже сюда приходи...»

Это все было еще удивительно тем, что именно геодезиста Чапыгина, а не советника Шорнборна смерть скрутила в этом номере в безжалостной конвульсии и, надо полагать, сделала это давно.

Первый осмотр закоченевшего тела дал понять, что смерть наступила не позднее вчерашнего вечера. А значит, и в поезд вместе с ними садился не умерший к тому времени геодезист Чапыгин, а замаскировавшийся под его обличье агент абвера Вильгельм Шорнборн. Именно он и оборвал обе нити, ведущие к разгадке зловещей тайны.

Шифрограмма за № ... от 06.09.1940 г.

«Начальнику Главного управления госбезопасности НКВД СССР Меркулову.

...по делу советника германского торгпредства Шорнборна докладываю:

В ходе проведенных спецмероприятий группе капитана Архипова удалось установить состав резидентуры и определить, что сотрудник абвера Шорнборн и два его агента — геодезист топографического отряда Чапыгин и разнорабочий того же отряда Усов, вели поиски следов экспедиции академика Барченко, предпринятой им в 1922 году. Результаты этой экспедиции нам не известны, но нам представляется, что речь идет о чем-то чрезвычайно важном. После выхода Шорнборна и его агентов из трехдневного похода по Ловозерской тундре группой Архипова с 4 на 5 сентября была предпринята попытка проследить их дальнейшие действия для выявления ближайших намерений, но Шорнборн устранил своих агентов, а сам исчез, выпрыгнув на ходу из поезда Мурманск — Ленинград. В номере гостиницы, где проживал Шорнборн, был найден лишь обгорелый уголок сожженной записки с явственно читаемыми начальными словами: «Для Персея...» Известные нам обстоятельства позволяют сделать единственно возможный вывод, что гибель агентов абвера Чапыгина и Усова, а также исчезновение Шорнборна никак не связаны с действиями оперативной группы капитана Архипова, а на основании вышеизложенного становится очевидным: Шорнборном (ему пред-

положительно принадлежит кодовое имя «Персей») и его подручным удалось выйти на след экспедиции Барченко и достигнуть конечной цели своего задания. Устранение им Усова и Чапыгина подтверждает несомненную и чрезвычайную важность полученной информации и связано лишь с желанием абвера максимально сузить круг лиц, причастных к этой операции.

Нами незамедлительно были приняты меры к отысканию тех следов, по которым шли агенты абвера, но длительные поиски, которые велись в районе Сейдозера без малого почти двое суток, ничего не дали. Кроме того, при проведении поисковых работ в районе горы Нинчурт бесследно исчезли два военнослужащих из охранного взвода НКВД. Их поиски ведутся круглосуточно. На основании вышеизложенного предлагаю:

— объявить на морском и железнодорожном транспорте и на пограничных заставах Ленинградского военного округа круглосуточную готовность на случай возможного проникновения Вильгельма Шорнборна через государственную границу СССР;

— обеспечить группе капитана Архипова доступ к архивным материалам по экспедиции Барченко 1922 года;

— санкционировать проведение более масштабных розыскных мероприятий силами НКВД и частей Ленинградского военного округа в Ловозерском районе по плану капитана Архипова, если таковой будет иметь место.

Начальник Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа комиссар госбезопасности 3 ранга Сиднев».

ГЛАВА 3

**Германия, Берлин. 8 сентября 1940 года.
Далем, Пюклерштрассе, особняк «Аненербе»**

Теплое утро располагало к хорошему настроению. От тенистых аллей несло свежестью и пряными ароматами ранней осени. Бездонное синее небо, отражаясь в лужицах на помытых садовником дорожках, переполняло души прохожих безмятежностью. И внешний вид офицера в щегольской армейской форме и с безупречной выправкой как нельзя лучше соответствовал этому чувству.

Офицер направлялся к усадьбе, окруженной вековыми липами. Внешнее самодовольство обер-лейтенанта¹ на первый взгляд могло вызвать у случайного прохожего невольную мысль о его удачной штабной карьере. Но медь красноватого загара, неизменно покрывающая лица после пребывания в северных широтах, и едва затянувшаяся ссадина у виска говорили об иных незаурядных способностях этого офицера.

Кинув мимолетный взгляд на табличку с готическим шрифтом «Институт военных исследований», обер-лейтенант поднялся по ступеням, и

¹ Обер-лейтенант (нем. Oberleutnant) — старший лейтенант.

двери тотчас распахнулись. Референт исполнительного директора ответил на приветствие вежливым поклоном и по длинному узкому коридору проводил обер-лейтенанта к металлической двери, за которой скрывалась довольно просторная приемная, и передал его на попечение рослым охранникам в черной форме войск СС.

Штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс стоял посреди огромного кабинета. Сияющий взор исполнительного директора был обращен к громко вещающему радиоприемнику. И он, и сидевшие перед ним сотрудники института с жадностью ловили каждое слово диктора. Одобрительные восклицания и дружные рукоплескания следовали после каждой патетической тирады диктора.

Не привлекая к себе внимания, обер-лейтенант присел на свободное место с краю. Эйфория витала в воздухе, и ведь было от чего! — доктор Геббельс перечислял крупные города Англии, со вчерашнего дня подвергавшиеся массированным бомбардировкам с воздуха. Количество боевых вылетов прославленных асов воздушного флота Геринга и количество бомб, сброшенных за неполные сутки на головы англичан, поражали воображение. Наконец задыхающимся от патетики голосом доктор Геббельс сообщил, что в ближайшее время из Ставки фюрера будет сделано сообщение чрезвычайной важности, и из приемника полились бравурные звуки военного марша.

Когда наступила тишина, Зиверс подошел к задрапированной тяжелыми шторами стене:

— Господа! Мы все воодушевлены победами нашей армии! Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия! Фюрер своей волей уверенно ведет нас к грядущим победам! А теперь, когда повержена Франция, а дни британской короны сочтены, взоры всей германской нации обращены на Восток. Пора и нам внимательно посмотреть на карту будущих сражений с тем, чтобы быть готовыми к выполнению своей миссии.

Штандартенфюрер потянул за шнур, и взорам присутствующих открылась распластавшаяся во всю стену карта европейской части России:

— Никаких пометок! Информация строго конфиденциальная. — Штандартенфюрер очертил указкой круг в центре Кольского полуострова. — По имеющимся у нас сведениям, здесь, посередине Лапландии между Ловозером и Умбозером, где возвышается горный массив Луяврурт, предположительно и находится интересующий нас объект. Но перед тем как перейти к сути вопроса, позвольте представить вам тех, без кого планируемая операция будет невозможна.

Он нажал на кнопку, и в кабинет вошли двое. Их появление все без исключения встретили с нескрываемым интересом, но не только потому, что вошедший первым офицер в черной форме

штурмбаннфюрера СС¹ сильно отличался от своего спутника. Некая гипнотическая сила, исходящая от него, неуловимо изменила и саму атмосферу кабинета. Штурмбаннфюреру было едва ли более тридцати, а в усах и аккуратно подстриженной бороде, скрывающей большую часть обветренного лица, уже серебрились первые вкрапления седины.

— Встречайте, господа — штурмбаннфюрер Эрнст Шеффер!

— Эрнст Шеффер?!

— Да, господа! Это он, тот самый Эрнст Шеффер, который неоднократно покорял Тибет. Он доставил в рейх множество бесценных экспонатов и древних тибетских рукописей, а также и дружественное письмо нашему фюреру от тибетского регента. Господин штурмбаннфюрер отныне — наш новый руководитель тибетского отдела.

Некоторое время внимание присутствующих было целиком сосредоточено на Шеффере, хотя нужно отметить, что не менее примечательным был и его спутник, внешний вид которого, несмотря на известную специфику института, мог бы сильно удивить не только берлинцев. Он был укутан в яркие оранжевые одеяния, а его лицо при известных обстоятельствах вполне можно было принять за колдовскую маску. Смугло-желтое и совершенно плоское, оно хранило полную

¹ Штурмбаннфюрер (*нем.* Sturmbannführer) — звание в СА и СС соответствовало званию майора вермахта.

невозмутимость, а там, где у европейцев по обыкновению располагаются глаза, на этом странном лице были лишь длинные щелочки, больше похожие на устричные створки. Все это время тибетский монах стоял изваянием у входа, плотно сомкнув свои глаза в едва различимые линии, и не понять было, то ли бодрствует он, то ли уже уснул.

Эти линии едва шелохнулись, лишь когда Зиверс объявил:

— Наш друг из далекой Лхасы расскажет нам об Агартхи.

Монах, чье морщинистое лицо свидетельствовало о его почтенных годах, гортанным голосом принялся вещать:

— Согласно «Книге Дзян», в мире существуют два источника силы. Источник левой руки — это средоточие материальной мощи. Он струится из города, расположенного на земной поверхности высоко в горах Тибета. Это город силы Шамбала, над которым властвует Царь Страх. Тот, кто заключит с ним союз, станет владыкой мира. Источник правой руки — это источник силы, проистекающий из подземного святилища далеко на Севере. Это Агартхи. Русские странники называют это место Гипербореум. В Агартхи хранятся знания тех, кто жил на Земле до нас.

Плоское лицо тибетца вновь обрело полную неподвижность, а Зиверс продолжил:

— Господа! После того как нами получены неопровержимые доказательства, что Агартхи на-

ходится на территории русских, — Зиверс ткнул указкой в сторону Кольского полуострова, — полагаю, мне нет более необходимости разъяснять, насколько важно для рейха овладеть этим районом до того, как русские попытаются сделать эту задачу невыполнимой?

Монах едва заметно шевельнул губами:

— Агартхи недоступна для непросветленных.

Но Зиверс даже не оглянулся на вновь застывшее лицо тибетца.

— Господа, перед каждым из вас лежит план операции под кодовым названием ««Проект “Лапландия”»». Всем нам предстоит большая работа по ее подготовке. Мы предполагаем выслать в Финляндию нашу группу. Под Рованиями устроен лагерь, где группа будет проходить необходимую адаптацию к местным условиям и всестороннюю подготовку. И когда доблестные войска фюрера начнут свой победный марш на Восток, наша группа одним броском проникнет в указанный район и овладеет тем, что по праву должно принадлежать нам, потомкам древних арийцев. Уверяю вас, чекистам в то время будет не до нас. В состав группы мы включили нашего тибетского друга, а возглавит экспедицию штурмбаннфюрер Шеффер.

После совещания в кабинете Зиверса остались лишь Шеффер и обер-лейтенант. Он оставался там, где и просидел неприметно все время.

— Вилли, вы еще здесь?

— Так точно!